

Неважно, сколько ни говори, их противоречия крылись не в мелочах, а в том единственном слове прощения, что сорвалось вчера с языка в хмельном угаре. Гу Тин мрачно бросил:

— В общем, пьяные речи всерьёз не принимаются!

Хо Янь шагнул вперёд:

— Клятвы, данные в порыве, приходится держать. Чем же пьяные слова хуже?

Гу Тин:...

Он так и знал. Всё опять сводилось к этому.

Хо Янь снова приблизился, его взгляд стал настойчивым:

— Ты говорил, что будешь растить малыша вместе со мной, но слова не сдержал. Почему все обещания можно нарушить, а это одно — обязательно должно остаться в силе?

— Потому что... — Гу Тин беззвучно пошевелил губами, не находя слов.

Взгляд Хо Яня заострился:

— Потому что ты поиграл и бросил. Ты пресытился мной, князем, и теперь хочешь от меня уйти.

От этих слов Гу Тин остолбенел, взгляд его помутнел. Ты... что за чепуху несешь?

— Но вчера ты был так горяч, — Хо Янь придвинулся вплотную, его тёмные глаза теперь были в считанных вершках, и в них, казалось, мелькала искренность, но за ней всё так же таились непостижимые глубины. — Я не понимаю. Что у тебя на душе? Можешь объяснить мне?

Гу Тин: !!!

— Хо Янь, что ты такое съел?! Лучше бы о деле подумал! Что я могу о тебе думать? Разумеется, ничего! Все эти истории про «сокровище сердца» и капризы — сплошная липа! Другие могут не знать, но тебе-то должно быть понятно!

Хо Янь прищурился:

— Значит, никаких мыслей обо мне у тебя нет.

Гу Тин отрезал твёрдо и чётко:

— Никаких!

Хо Янь не отводил пристального взгляда:

— Тогда почему тебя задела те слова? Ты ведь не докучал мне, так зачем обязательно уходить?

Гу Тин:

— Я...

Хо Янь:

— Если настаиваешь на уходе, значит, уже докучаешь или решил докучать. Гу Тин, когда ты во мне влюбился? А?

— Пф! Кто в тебя влюблён!

— Вот видишь. Ты меня не любишь и не докучал мне. Эти слова можно просто забыть, не придавать им значения. Тогда их никто не слышал, а теперь я всё понял и не буду заблуждаться.

Хо Янь спокойно смотрел на Гу Тина. Его глаза, словно ночное небо над Цзююанем, были пусты и, казалось, жаждали заполниться чем угодно. — Останься. Не уходи. Хорошо?

Чтобы удержать его, этот человек был готов на всё.

Даже на откровенное шантаж и наглость!

Гу Тин всё прекрасно видел насквозь. Если рассуждать здраво, никто в жизни не способен всегда держать слово, поэтому сказанное можно и взять назад. Разве что ты святой, который никогда не лжёт и всегда исполняет обещанное. Не можешь — не надо ломаться, получишь по лицу. А если рассуждать с кривой колокольни, то настаивать на силе тех слов — значит, признать, что они попали в самую точку. Это знак любви, знак того, что тебе не всё равно, что ты не можешь иначе. Если не любишь — не уходи. А если уйдёшь, это лишь покажет, как глубоки твои чувства, и отмыться уже не удастся!

Гу Тин скрежетал зубами от ярости. Где это Хо Янь научился так выворачивать всё наизнанку?!

Если копнуть глубже: усадьба с горячими источниками, так кстати задевшая его за живое; разговор, от которого невозможно было отказаться; пьяная расслабленность и ловко расставленные силки; а сегодня — вся эта чёртова логика, наглухо запечатавшая все пути к отступлению...

Всё, абсолютно всё, было заранее подстроено Хо Янем!

Этот человек тщательно спланировал всю партию, поджидая, когда Гу Тин попадёт в ловушку. И он прыгал, из одной ямы в другую, пока не увяз по уши и не захлебнулся собственной кровью... Эх, лучше бы свою изворотливость на что-нибудь путное потратил, а не на такие игры со мной!

Гу Тин всегда считал, что владеет языком неплохо и в спорах редко остаётся внакладе. Но сейчас, в этой жизни, он впервые оказался загнан в угол, не в силах вымолвить ни слова.

И взгляд у того был слишком глубокий, в нём таилось столько непонятного. Казалось, этот могучий мужчина стал до предела хрупок и не вынесет ни единого слова отказа.

Убить человека — дело нехитрое.

Гу Тин с трудом выдавил:

— Дай мне подумать... Хорошо?

Хо Янь знал, когда нужно остановиться, чтобы не перегнуть палку. Он отступил на пару шагов и медленно кивнул:

— Всё, что было сказано вчера, шло от самого сердца. В усадьбе бери что пожелаешь, кладовые во внутренних покоях — тоже к твоим услугам. После вчерашнего, должно быть, нелегко. Отдохни как следует, поешь. Я зайду завтра.

Он пришёл безмолвно и ушёл столь же стремительно.

— Мяу!

Рысёнок, набегавшись во дворе, впрыгнул в окно, принялся мяукать вокруг Гу Тина, то и дело потираясь о его ногу, — вид у него был такой ласковый и милый.

Как тут сердиться на такое создание?

Гу Тин поднял его и легонько ткнул пальцем в нос:

— Где это ты шлялся? Даже не пришёл поцарапать его за меня...

В дверях заёрзал У Фэн, неслышно вошёл и аккуратно расставил на столе яства из коробки с завтраком:

— Князь... ушёл?

Гу Тин бросил на него негодующий взгляд:

— Как думаешь? — Он до сих пор не остыл. — Ты бы лучше объяснил, каким образом Хо Янь оказался в моей комнате?

Чем ты, собственно, как слуга, занимаешься?

У Фэн надул губы, всем видом показывая обиду:

— Это... как две руки против четырёх! Не то чтобы я не старался, господин, просто силы противника несопоставимы! Вокруг князя — элитные гвардейцы Армии Стражей Севера!

Гу Тин:...

Значит, я виноват? Я слишком беден и никчёмнен, чтобы обзавестись такой стражей?

У Фэн заискивающе спросил:

— Господин, вы... в порядке? Князь вас не обидел?

Гу Тин уселся за кашу:

— Хм, он бы посмел! Я бы с ним расправился!

У Фэн:...

— Господин, лучше не зарекайтесь, а то вдруг в будущем...

— Никаких «вдруг»!

— Тогда мы... всё ещё уезжаем? — В конечном счёте, У Фэна волновал именно этот вопрос.

Гу Тин прищурился:

— Ты подслушивал?

У Фэн замотал головой, как маятник:

— Ни капли! Но и без подслушивания ясно — князь, конечно, не хочет, чтобы вы уезжали.

Гу Тин усмехнулся:

— А он думает, я должен его слушаться?

Хо Янь и впрямь оказался мастером. Его чередой ходов была рассчитана и на благородного мужа, и на подлеца. Даже из одного упрямства Гу Тин, казалось, не мог теперь просто взять и уехать. Но их проблема... никогда и не заключалась в том, можно ли взять назад те слова или нет.

Гу Тин опустил глаза и неспешно принялся за еду.

Этот человек был слишком ярким. В нём таилось столько сокрытой нежности, и он не сумел её спрятать — Гу Тин её разглядел. А он всегда был слаб перед нежностью, недаром в прошлой жизни Цзян Муюнь так долго дурачил его, что даже перед смертью тот не мог смириться.

Хо Янь — хорош. Он заслуживает лучшего человека и лучшей доли. Обещание не докучать было дано не только ему, но и самому себе.

Ни в коем случае не позволять сердцу дрогнуть. Не разрушать эту красоту.

Но если остаться, видаться изо дня в день, проводить вместе утро за утром — как тут не увязнуть? В чём-то Хо Янь был прав: полюбишь — начнёшь докучать. Гу Тин боялся, что полюбит его.

Остановиться сейчас, разойтись — самый подходящий момент.

Закончив завтрак и отложив палочки, Гу Тин велел У Фэну немедленно собирать вещи.

Тот на миг застыл:

— Всё ещё уезжаем?

Гу Тин кивнул:

— Да.

— Когда?

— Завтра. После встречи с ним.

Взгляд Гу Тина устремился в небо за окном. В конце концов, тот сказал, что зайдёт завтра.

На следующее утро Хо Янь явился с первыми лучами.

Гу Тин по-прежнему держался отстранённо, весь из себя ершистый, делал всё лениво, а говорил лишь колкости. Открытого скандала не затевал, но давал ясно понять: я всё ещё в ярости, и мне нужно время, чтобы остыть. Лучше не трогай меня, а то мало ли что!

Пока тот не уезжал, Хо Янь мог быть спокоен.

В этот день князь — Страж Севера был необычайно покладист. Сносил всё — хоть побои, хоть брань. Даже если Гу Тин швырял палочки, он сам приносил новые — заботы не занимать. Перед уходом он с искренностью в голосе спросил:

— Сколько дней тебе потребуется, чтобы отойти?

Гу Тин прищурился и показал три пальца:

— Три дня я не желаю тебя видеть. Ясно?

Хо Янь понял. Это было окончательное наказание от его малыша, и лучше было подчиниться, иначе покоя не видать.

Князь — Страж Севера полагал, что цель достигнута, и честно соблюдал это джентльменское соглашение. Он и представить не мог, что через три дня, когда он вновь явится, птичка улетит.

Как и в прошлый раз, Гу Тин не взял с собой ничего из подаренного. Ничего! Даже кладовые во внутренних покоях не были тронуты, и даже те сокровища, что перевезли в усадьбу с горячими источниками под Новый год «на временное хранение», остались лежать на своих местах!

Хо Янь чуть не расщелкал зубы:

— Ищите!

Он сам вскочил в седло и помчался к городским воротам.

Если его малыш уехал, то наверняка покинул город. Хо Янь не был настолько беспечен — заранее отдал распоряжение обращать внимание на выезжающих, примечать особые приметы и ни в коем случае не упустить беглеца. Однако, опросив стражи на всех четырёх воротах, он услышал одно: никто не видел никого, кто бы подходил Гу Тину по возрасту или внешности.

<http://bllate.org/book/16279/1466463>